

УДК 276

Никольский Евгений Владимирович

Nikolsky E. V.

**ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО
МАКСИМА ГРЕКА: «МИР ИДЕЙ» И СПЕЦИФИКА
БОГОСЛОВСКОГО МЕТОДА**

**POLEMICAL WORKS OF ST. MAXIM THE GREEK: «WORLD
OF IDEAS» AND THE SPECIFICITY OF A THEOLOGICAL
METHOD**

Аннотация. В статье анализируются полемиические и обличительные трактаты преподобного Максима Грека (Михаила Триволиса), направленные против иудейства, ислама, в которых он отстаивал истины христианской веры. В сочинениях, посвященных социально-нравственным проблемам, отображены неприятие астрологии, теплохладия, маловерия. Особняком стоят его противоармянские и антилатинские трактаты, в которых преп. Максим отстаивал свое понимание Православия и высказывал несогласие и с монофизитством, и с номиналистической методологией, критиковал апокрифы и мифологическое мышление.

Abstract. The article analyzes the polemical and accusatory treatises of the venerable Maximus the Greek (Michael Trivolis) against Judaism, of Islam, in which he defended the truths of the Christian faith. In the writings on socio-moral issues displayed a rejection of astrology, indifference to religion, little faith. Stand out his anti-Armenian and anti-Latin treatises,

in which ven. Maxim defending their understanding of Orthodoxy and expressed disagreement with monophysitism, and with a nominalistic methodology, criticized the Apocrypha and mythological thinking.

Ключевые слова: Максим Грек, русская патрология, богословская полемика, реализм, томизм, номинализм, «Византия после Византии», христианская этика, апокрифы, социальная мифология.

Keywords: Maxim the Greek, Russian Patrology, theological controversy, realism, Thomism, nominalism, «Byzantium after Byzantium», Christian ethics, the Apocrypha, the social mythology.

Биография святого Максима Грека (Михаила Триволиса) хорошо известна не только богословам и историкам религиозной мысли, но широким кругам христиан. Рассмотрим основные вехи его жизни. Максим Грек (ок. 1475–1556) происходил из аристократической греческой семьи и родился в городе Арте в западной части Греции. В конце XV века он переехал в Италию, где был близко знаком со многими известными деятелями итальянского Возрождения. Однако идеи гуманизма его не увлекли, наоборот, наибольшее впечатление на него произвели проповеди католического проповедника Дж. Савонаролы. Возможно, под их влиянием Михаил поселяется в доминиканском монастыре Сан-Марко с намерением постричься в монахи. В 1504 году он отправляется на Афон, где возвращается в Православие и принимает постриг в греческом Ватопедском монастыре под именем Максима.

В 1518 году по запросу великого московского князя Василия III Максим приезжает в Москву в качестве переводчика. Здесь он поселяется в Чудовом монастыре в Кремле и занимается переводами Толкового Апостола и Толковой Псалтири. Первое время он не владел славянским языком, и поэтому в помощь ему были приданы переводчики Посольского приказа Дмитрий Герасимов и Власий. Максим переводил тексты с греческого на латынь устно, а уже его русские помощники делали письменные переводы с латыни на славянский язык.

В начале 20-х годов Максим заканчивает порученную ему работу и просит разрешения вернуться на Афон. Однако разрешения не было дано, но ему поручают новые переводы и исправления других книг. В эти же годы он сближается с Вассианом Патрикеевым и активно участвует во внутрицерковной и внутривосточной полемике между «нестяжателями» и «иосифлянами».

В данной статье мы остановимся на менее известных аспектах — его полемиических сочинениях, направленных против иудеев, мусульман, а также тех трактатах, в которых раскрывается понимание преподобным Максимом социальных и методологических вопросов. Его труды ценны для нас тем, что по содержащимся в них сведениям мы можем представить, что являло собой общество в Московском Царстве XVI века.

Специфика личности и биографии Максима Грека состоит в том, что события его жизни оказывались сопряженными с ключевыми явлениями русской истории, с основными направлениями внутренней и внешней политики России, русской религиозной мысли и культуры. Его обращение к богословскому творчеству происходит в тот период, когда состоялось венчание на царство великого московского князя (1547 год), в эпоху Соборов по канонизации русских святых, Стоглавого Собора 1551 года. Отец Максим в то время немало сделал для реализации на практике идеала симфонии священства и царства. Он отобразил идеал симфонии Русской Православной Церкви и Московского государства в своем послании великому князю Московскому Василию III (1505–1533), написанном в 1522 году. А в эпоху правления Иоанна IV Грозного (1533–1584) появилось довольно большое число сочинений, вышедших из-под пера инока Максима, которые имеют смысловым стержнем идеал симфонии государства и Церкви.

Первый период литературного творчества преподобного Максима Грека в Московском царстве (март 1518 — февраль 1525 годов) был ознаменован колоссальной переводческой деятельностью. Наследие второго периода трудов святого инока на ниве духовного просвещения (1532 — приблизительно 1555 годы) представляет собой не только новые собственные сочинения, но и собрания сочинений, составленные им самим и правленные его пером. Известный современный исследователь Н. В. Сеницына утверждает: «Максим Грек

— один из первых в истории русской литературы писателей, который сам составлял собрания своих избранных сочинений, сам выбирал и правил их» [20, с. 198].

В 1525 году, обвиненный в ереси и даже измене, Максим Грек был осужден и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где содержался в тяжелейших условиях при полном запрете на литературную деятельность.

В принципе, большинство обвинений были несправедливы. «Измена» сводилась к тому, что Максим Грек общался в Москве с турецким послом. «Еретические» фразы, найденные в некоторых переведенных им текстах, тоже были вполне объяснимы. С одной стороны, Максим еще не овладел в полной мере славянским языком, отчего возникали различные недоразумения. С другой стороны, он, воспитанный в духе традиционного византийского (греческого) Православия, обнаружил в славянских книгах многие несоответствия византийской ортодоксии. Следовательно, и русское православное вероучение в результате многовекового самостоятельного развития к XVI веку уже существенно отличалось от греческого. Попытки же Максима Грека ликвидировать эти несоответствия были восприняты Русской Церковью и русскими светскими властями как покушение на православные догматы и на независимость России. Между прочим, в этом заключалась и одна из причин нежелания выпускать Максима из России, — он слишком много узнал. Следовательно, власти опасались, что, вернувшись на Афон, Максим Грек мог повлиять на формирование негативного отношения к России во всем православном мире.

Кстати, какие-либо изменения в установившихся канонах богослужения вообще на Руси воспринимались с трудом. Лишь в XVII веке, при Патриархе Никоне, славянские книги будут приведены в соответствие с греческими. Но это снова обернется трагедией, теперь уже общероссийской — расколом Русской Церкви. В 1531 году Максим Грек был осужден вторично, теперь уже вместе с Вассианом Патрикеевым, причем к старым обвинениям добавились обвинения в волшебстве и чернокнижии, а также в нестяжательстве и непочитании русских монахов-чудотворцев, чьи обители владели землями. По сути дела, лишь обвинение в «нестяжательстве» имело под собой почву — Максим Грек и в самом деле говорил и писал о пользе «не-

стяжания». Его же сотрудничество с Вассианом Патрикеевым послужило для «иосифлянского» руководства Церкви и, прежде всего, для митрополита Даниила, лишним доказательством «вины» Максима Грека.

Церковный суд признал его виновным по всем пунктам, но условия наказания смягчили, — он был переведен в Тверской Отроч монастырь. В 40-е годы, после низложения митрополита Даниила, Максиму Греку даже вернули часть его архива, конфискованного еще при первом аресте, и он приступил к составлению собрания своих сочинений.

В 1547–1548 годах, при новом государе Иване IV, после многократного заступничества вселенских Патриархов (александрийского и константинопольского) и, видимо, новых советников царя из «Избранной рады», Максима Грека перевели в Троице-Сергиев монастырь. Однако окончательного своего освобождения он так и не добился.

Обвинения, предъявленные Максиму Греку, при всей их неправдоподобности, касались разных проблем, у которых было будущее — и государственных, и церковных, и культурных. Исправление книг впоследствии стало в ряду острейших проблем XVII века. Вплоть до XIX века актуальными оставались вопросы языка и перевода. Не утратил своего значения в следующие века и вопрос о церковных вотчинах. Ввиду этого сочинения афонского ученого монаха, задуманные первоначально с целью оправдания, доказательства несправедливости обвинений, приобретали более широкое значение. Они не только отражали мировоззрение автора, но также давали довольно полную картину того времени, многих ее сторон. Они были яркими памятниками русской религиозной мысли той эпохи, говорили о реальных явлениях, происходивших в жизни общества и вечных истинах.

Еще удивительнее то, что преподобный, почти не зная русского языка, осмелился приступить к исправлению наших церковных книг... Максим, без сомнения, не мог еще тогда сам видеть и понимать разные погрешности в наших богослужебных книгах; об этих погрешностях ему передавали по-латыни его русские сотрудники. Он обращался к греческому тексту и по-латыни же передавал своим сотрудникам, как надобно исправить указанные погрешности; со-

трудники на основании слов Максима и делали исправления» [20, с. 347]. По мнению митрополита Макария, действия Максима Грека были недостаточно обдуманными, поэтому были обречены на безуспешность. Афонский инок со своими русскими помощниками исправлял следующие книги: Триодь, Толковое Евангелие, Апостол, Минея праздничная. После этого работа Максима Грека должна была завершиться. Исправление книг вызвало ропот народа. Афонский инок Максим попал в довольно сложное положение, его вызвали на суд. О происшедших с преподобным Максимом событиях митрополит Макарий (Булгаков) написал следующее: «В исправлениях его начали примечать неточности или ошибки; между верующими поднялся ропот, что книги не правят, а портят; Максима, при других неблагоприятных для него обстоятельствах, потребовали на суд, и на суде открылось то, чего надлежало ожидать: Максим, не зная достаточно русского языка, или не понимал и не хотел признать указываемых ему в его переводах неправильностей, или слагал вину на своих сотрудников, даже переписчиков, а последние слагали вину на самого Максима и говорили, что он так приказывал им писать, хотя они не хотели. Последствия суда известны» [20, с. 347].

Краткую оценку деятельности преподобного на Руси можно выразить словами церковного историка: «Впрочем, хотя Максиму и не удалось самому исправить наши церковные книги, он заботился, насколько мог, чтобы содействовать их будущему исправлению» [20, с. 347]. Иными словами — можно утверждать, что труды афонского инока Максима стали отправной точкой для дальнейшего исправления книг в Русской Православной Церкви.

С 1505 по 1515 год Максим пробыл на Афоне и заслужил за это время доверие протата, относившегося в начале к иноку с опаской. После отказа Саввы ехать по просьбе русского посольства в Московское царство эта миссия афонским протатом была возложена на Максима. Кроме исполнения возложенного послушания, афониту Максиму ставилось за цель изучение русского языка.

Творческое наследие Максима Грека более чем обширно — сегодня известно более 150 его сочинений. Прежде всего, Максим Грек прославился как переводчик. Он осуществил новые переводы Толковой Псалтири, Толкового Апостола, отдельных книг Священного Писания и толкования на них. Из святоотеческой литературы — от-

дельные труды Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Кроме того, — фрагменты из византийской энциклопедии X века Лексикона «Свиды».

Как самостоятельный православный мыслитель, Максим Грек является автором большого числа различных сочинений. Но, к сожалению, его творчество еще ждет своего подробного исследования. Лишь в прошлом веке в Казани дважды выходило трехтомное собрание его сочинений, однако оно не соответствует современным научным требованиям. В последние же годы изданы только отдельные произведения Максима Грека.

В отличие от большинства своих русских современников, Максим Грек получил систематическое философское, богословское и филологическое образование. Знание языков позволило ему читать в подлинниках труды античных философов, из которых он более всего почитал Платона, Сократа и Аристотеля. Из святоотеческой литературы он отмечал сочинения Аврелия Августина и, в особенности, Иоанна Дамаскина, которого называл «Дамасково солнце». Конечно же, уровень и глубина знаний, широта кругозора, систематичность мышления высоко поднимали Максима Грека в глазах окружающих. Поэтому он пользовался большим авторитетом при разрешении различных религиозно-философских вопросов. Вообще, Максим Грек высоко оценивал значение философии: «Философия без умаления есть вещь весьма почитаемая и поистине божественная...». Однако, следуя давней святоотеческой традиции, он подчеркивал двойственную природу философии. С одной стороны, философия «о Боге и правде Его и всепроникающем непостижимом промысле Его прилежнейше повествует...». С другой, — философия «не все постигает, поскольку не причастилась божественному вдохновению, как Божии пророки». Поэтому Максим Грек разделяет философию на «внутреннюю» и «внешнюю».

Первая непосредственно связана с православным богословием, вторая — это западноевропейская католическая схоластика, а также светская, чаще всего языческая мудрость. И если «внутреннюю» философию, ведущую к познанию Бога, Максим Грек признает полностью, то «внешняя» философия, по его мнению, может использоваться лишь в ограниченных пределах. Ведь, по его убеждению, католики-схоласты, «философией суетного прельщения сму-

щаемые», христианское богословие «подгоняют к аристотелевскому учению» и тем самым «отходят от божественного закона». Следовательно, «внешняя» философия годна лишь к «выработке правильной речи» и «исправлению мышления».

«Внутренняя» же философия «целомудрие и мудрость, и кротость восхваляет, и всякое иное доброе украшение нрава как закон полагает, и порядок в обществе наилучший устанавливает, и, в целом говоря, всякую добродетель и благодать в этой жизни вводит». Человек, овладевший мудростью «внутренней» философии, становится примером для других: «С такими подобает общаться и нам постоянно, как истины и благочестия наставниками, от них собирая лучшее и то, что способствует нашему благочестию». Более того, роль истинного мудреца-философа настолько высока в обществе, что Максим Грек писал: «Более мне представляется в этой жизни творящим благо философ муж, нежели царь справедливый». Митрополит Макарий (Булгаков) предложил следующую классификацию трудов преподобного Максима [12, с. 344–366]:

- I. Догматико-полемические;
- II. Нравоучительные;
- III. Сочинения других родов.

В целом литературное наследие афонита включает в себя проповеди, публицистические статьи, философские и богословские рассуждения, переводы, статьи по фонетике, лексикографии, грамматике.

В данной статье рассматриваются исторические сведения, которые содержатся в литературном наследии преподобного Максима. При этом основной акцент в классификации нами сделан по принципу митрополита Макария (Булгакова). Догматико-полемические послания Михаила Триволиса — это ответы на еретические учения, волновавшие умы православных подданных Московского царства. Полемические сочинения, в которых преподобный Максим излагает догматическое учение Православной Церкви, направлены против доктринальных взглядов: новгородских еретиков иудействующих, иудеев, магометан (агарян), латинян и лютеран.

**Догматические сочинения в контексте полемики
с иудействующими**

Полемика инока Максима против иудействующих была очевидным явлением. Именно по причине необходимости перевода Псалтири для борьбы с новгородскими лжеучителями Михаил Триволис в свое время прибыл на Русь. Преподобный Максим написал пять небольших статей, посвященных заблуждениям иудейского толка [12, с. 348]. В плане ослабления ереси «жидовствующих» преподобный Максим не сказал, пожалуй, более того, что сумел сказать преподобный Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе».

Догматико-полемическая статья против новгородских еретиков озаглавлена афонским иноком «Слово на Рождество Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, здесь же и против иудеев». Здесь преподобный утверждает, что Иисус Христос есть Бог и истинный Мессия, в жизни Которого исполнились все ветхозаветные пророчества. Отсюда афонский инок приходит к ультиматуму: либо иудеи и «жидовствующие» должны верить во Христа, либо отвергнуть своих же пророков.

«Да посрамится же непокорный род еврейский, дерзко сопротивляющийся таким явным событиям! Или пусть вместе с нами воспевают Иисуса, как Бога, видя, что все, предсказанное о Нем за много пред тем лет святыми пророками, совершилось в точности: что Он единым словом прокаженных очищает, слепым дарует зрение, мертвых восставляет из гробов; или же, пребывая злонамеренно в своей злобе, пусть знают, что они самим святым пророкам не повинуются, как бы солгавшим о Христе, и пусть не ждут пришествия другого, так как предназначенное для Его явления время давно уже три раза миновало. Признают ли они достойным вероятия Того, Кто сказал пророку, желавшему узнать о времени прекращения бедствий своего народа: семьдесят седмин сократишася о людех твоих, и о граде твоём святем... и запечатается видение и пророк, и помажется Святым святых (Дан. 9:24)? Пророчество же это явно сбылось, ибо после Христа не появлялся у них ни один, кто бы предсказал будущее. Если они верят пророкам как говорившим истину и как друзьям Божиим, и стараются слушать их, то пусть Христа Бога нашего воспевают без сомнения, ибо на Нем одном точно сбылись все, вообще,

пророчества, и Он воспеваётся ими, как; Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец будущего века, Князь мира, как вопиет Исаия (9:6). Если же Он и претерпел страсти, то что из этого? Ведь не Божеством пострадал Он, но плотию, которую восприял по великому Своему милосердию; пострадал же добровольно, по благоволению Отца безначального, благоволившего таким способом спасти род человеческий, о чем также за много лет вперед было прообразовательно предсказано о Нем боговдохновенными пророками. Поклоняться должно благодати Божией, как божественному дару, а не отвращаться способа исцеления, и если когда, где и как Бог велит, то следует покоряться Ему, как дети покоряются своим родителям, в полной уверенности, что Он, как всепремудрый и всеблагий, и как самая Правда, ничего противозаконного, или неприличного, или выше нашей силы не повелевает нам, а если что повелевает, то это для того, дабы, очистив нас от всякого, вообще, порока, украсить добротами богоподобной славы. Пусть докажут другими пророчествами, что грядущий Мессия должен быть чужд страданий и смерти, одним человеческим естеством обладающий славою и богатством и высотой некончаемого царства, как им думается, сидящий на царских престолах для обладания всеми странами земли; или, не имея возможности это доказать, пусть поклоняются Ему вместе с нами и святыми пророками, ясно признающими Его в двух естествах совершенным Богом и вместе совершенным Человеком, Который плотию Своею претерпел смерть, и в третий день опять воскрес из мертвых, явился друзьям Своим, и воссел на престоле одесную безначального Родителя Своего, как Бог и Господь всех» [14, с. 14–17].

Вторая статья в разных изданиях встречается под названиями: «Слово о поклонении св. икон» и «Против лютеран — слово о поклонении Святым Иконам». Этот труд не лишен полемического настроения и обращен против заблуждения иудеев, иудействующих и лютеран. Иными словами, это произведение преподобного направлено против отвергающих догмат иконопочитания. В этом слове изложен правильный смысл христианского почитания и поклонения святым иконам. Преподобный Максим подчеркивает, что иконопочитание не противоречит второй заповеди декалога Моисея. Отец Максим приводит множество доказательств этому из Священного Писания. Он говорит о том, что иконопочитание согласно с повеле-

ниями Самого Бога в Ветхом Завете, с изображением Господа Иисуса Христа на плащанице, с апостольской традицией иконописи.

«Еретики говорят, что Бог заповедал: не сотвори богов серебряных и богов золотых. На это отвечаем: Бог сказал иудеям, которые в пустыне слили себе тельца и говорили: се бози твои, Израилю, а впоследствии воздали божескую честь Веельфегору, при Ахаве же — Ваалу, то есть Крону, при Манассии — Дию, при Иеровоаме — золатым юницам, при Навуходоносоре — образу золотому. И пророк о них говорит: пожроша сыны своя бесовом, оставив истиннаго Бога, сотворили идолов в честь скверных людей и бессловесных животных и именовали их богами. Мы же не идолов делаем, не тельцов, не юниц, но служим живому Богу и святым Его, ибо никто из любящих царя не бесчестит его хоругви. Если иконы, как вы мудрствуете, подобны идолам, то и скиния, которую сотворил Моисей, и церковь, устроенная Соломоном, по-вашему, подобны идольским храмам, и жертвы, которые в них приносились во славу Божию, подобны еллинским жертвам, которые они приносили идолам, и ковчег, в котором были скрижали завета и прочее, ничем не отличается от твоего сундука, в котором ты хранишь домашние вещи, и жезл Ааронов прозябший не отличается от твоего посоха, на который ты опираешься, и свещник золотый, имевший семь светильников, не отличается от твоего свещника, который ты вжигаешь у себя в доме. Если все эти предметы, как мы сказали, одинаковы между собой, то и святые иконы подобны идолам. Как при Ное Бог мог и без ковчега спасти его, ибо все возможно Богу, однако же устроил ему спасение посредством бездушнoй и рукотворенной вещи. Так же и евреев Бог мог и без медного змия спасти от угрызений змей, но благоволил по неизреченным судьбам Своим посредством медного змия избавить их от смерти; так и нам ныне Господь и Бог наш посредством видимых святых икон и других божественных предметов невидимо устроит спасение. Ибо так Сам Он повелел и изобразил на плащанице, образ Свой, который впоследствии был отнесен в Царьград. Затем святые апостолы повелели евангелисту Луке написать на иконе пречистый Его образ и поклонились изображенному на ней божественному Его человечеству. Евангелист Лука написал также и образ Пречистой Его Матери, Которая есть воистину Богородица. Если же вы несмысленны умом, сомневаетесь, каким образом по-

средством неодушевленных и рукотворенных предметов могут совершаться чудеса, то знайте, что Богу все возможно. Каким образом, когда Моисей чудодействовал, то не ему, а его жезлу сообщил Бог силу совершать чудеса, также и милоти Илиной Бог даровал Свою благодать, и ею Елисей совершил страшные знамения, которых не мог совершить сам по себе. Иудеи почитали пророческие и патриаршеские гробы и перенесли из Египта кости Иосифовы. Послушаем Павла, говорящего о различных дарованиях духовной благодати, как сказано в Святом Писании: якоже устроих церквам галатийским, тако и вы сотворяйте» [14, с. 297].

Следующая статья является смысловым продолжением «Слова о поклонении Святым Иконам». Начинается статья такими словами: «Все Боговдохновенное Писание учит и повелевает нам поклоняться и иметь во всякой чести не только пречистый образ Спасителя нашего Иисуса Христа и Пречистой Божией Матери и прочих честных угодников Его, но и все прочее, что как приношение, было посвящено Христу Спасителю, — будут ли то богослужебные церковные сосуды, или разные пелены для украшения и благолепия пречистаго Его образа, или святаго алтаря — все это должно почитать и иметь в чести, как уже причастное святыни» [14, с. 299].

Этот литературный труд примечателен тем, что здесь преподобный Максим настаивает на необходимости почитания Богоматери и излагает основы православной христианской мариологии — учения Святой Церкви о Пресвятой Богородице. В «Слове против хулителей Пречистой Божией Матери» афонит говорит о святости и славе Пресвятой Богородицы. В этом полемическом произведении о. Максим, не желая гибели еретиков, с любовью просит их перестать хулить Божию Матерь. Говоря, что о Пресвятой Деве Марии было множество пророчеств и Она была предзнаменована прообразами, о. Максим ссылается на ветхозаветные видения — образы Пресвятой Богородицы. Вспоминает о явлении во сне Лествицы святому Патриарху Иакову и образа Неопалимой Купины святому пророку Моисею.

Преподобный называет «вымыслом иудейским» и даже «сатанинским» [14, с. 307] лжеучение, которое существовало у новгородских еретиков. Именно иудействующие нечестиво учили, что после Рождества Христова Пресвятая Дева стала обычной женщиной [12, с.

349]. Афонский инок отвергает это богохульное лжеучение. В качестве своих аргументов Максим Грек приводит ветхозаветные пророчества и прообразы, которые относятся к Пресвятой Богородице, а также православные богослужебные тексты и песнопения (в частности, ирмос третьей песни канона второго гласа; песнопения праздника Успения Пресвятой Богородицы).

Заблуждение новгородских еретиков о. Максим называет невежеством и незнанием Священного Писания. Ведь почитание Пресвятой Богородицы своими корнями уходит во времена святых апостолов. Преподобный подчеркивает, что Пресвятую Богородицу нужно почитать и удивляется, как иудействующие новгородцы дерзают отвергать Её святость и Приснодевство. «Всякий чувственный предмет, который в качестве орудия богослужения был посвящен Богу, становится причастным святости и должен быть почитаем. Если же так, то как не страшатся некоторые, весьма чуждые целомудрия, отвергать несравнимую ни с чем высоту святости и славы Пречистой и Всепетой Божией Матери, высшей небес и всех умных небесных сил, дерзая говорить, что тогда только Она была свята и преславна, когда носила в пречистой Своей утробе Емануила, а после того, как родила и откормила Его грудью, Она ничем не стала отличаться от прочих женщин. О, какие у них богоборные мысли и слова! О, какое крайнее невежество и незнание Боговдохновенных Писаний! Как не поняли они, окаянные, сказанного о Ней праотцем Ея к Произшедшему из Нея воплотившемуся Богу Слову: «Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна, преиспещрена»? (Пс.44:10)» [14, с. 300–301]. Как у земных царей по смерти мужа царицы не лишаются своего величества, так и Пресвятая Дева, Избранная Самим Богом для реализации неизреченной Тайны Боговоплощения, после Рождества Христова не теряет Своего девства и славы.

Догматико-полемиические статьи против иудеев «Совет собору православному против еврея Исаака волхва и обманщика» и «Возражение против глав Самуила евреянина» имеют частный характер. В произведении «Совет собору православному против еврея Исаака волхва и обманщика» о. Максим убеждает пастырей предать на казнь Исаака. Автор занимает довольно жесткую позицию по отношению к еретiku и призывает расправиться с волхвом Исааком подобно тому, как архиепископ Лев Катанский расправился с еретиком волх-

вом Илиодором: «Подражая ему (архиепископу Льву), и вы, как последователи тех мужей и строители тех же таинств, покажите такую же, как они, ревность, и всею душою воспримите такой же подвиг ради благочестия, и смущающих его, кто бы они ни были, не устыдитесь и не постесняйтесь, но воспротивьтесь им, по-апостольски, единомудренно и единодушно, с приличным православным свяителям Божиим дерзновением. И смутивших паству Христову предайте внешней власти для соответствующей казни, чтобы и другие вразумились не смущать на будущее время овец Христовых в нашей православной земле... Сохраните землю нашу чистою и невредимою от таких бешеных псов...» [14, с. 22–23].

«Возражение против глав Самуила евреянина» — это статья, состоящая из нескольких небольших заметок, которые по своему содержанию являются опровержением идей иудея Самуила, «жившего спустя тысяча сорок лет после Вознесения Христова» [14, с. 23]. Главы Самуила перевел с латыни Николай Немчин. Эта книга, как писал митрополит Макарий (Булгаков), вероятно, употреблялась нашими жидовствующими [12, с. 349]. В главах Самуила утверждается, что евреи, в каком бы ни были нравственном состоянии, продолжают оставаться народом Божиим. Это и другие заблуждения являются предметом полемиического труда ученого книжника.

Итак, эти обличительные сочинения направлены, во-первых, главным образом против новгородских еретиков иудействующих, а затем против заблуждений иудеев и отчасти касаются лютеран. Во-вторых, несмотря на то, что ересь «жидовствующих» была осуждена на Соборе 1504 года, ее сторонники продолжали тайно существовать. Это и послужило поводом к написанию полемиических трудов с целью возвращения отступивших от православной веры в лоно Церкви. В-третьих, позиция иудействующих еще в первой половине XVI века была довольно неслабой, хотя они и существовали тайно. Об этом говорит ревность преподобного Максима в их обличении. Ведь, если бы новгородская ересь не представляла угрозы, то не было бы необходимости обращать на это лжеучение внимание.

Полемиика с мусульманами в сочинениях преподобного Максима Грека

В догматико-полемиических трудах Максима Грека наличествует группа сочинений, которые посвящены исламу. Как видно из текста, афонский инок крайне негативно относится к вероучительным пунктам мусульманской религии. Преподобный считает Магомета предтечей антихриста. Несмотря на то, что книжник писал антиисламские труды под впечатлением ужасных бедствий, которые греки испытывали от турецкого султана, всё же эти произведения являются полемикой по существу. Как писал священник А. Синайский, содержание данных полемиических трудов не следует сводить к «лично-патриотическим побуждениям» [19, с. 47].

Преподобный Максим показывает, что в учении Магомета отсутствуют критерии истинности веры. В труде «Слово обличительное против агарянского заблуждения и против измыслившего его скверного пса Магомета» автор отмечает, что «...есть много различных признаков, составляющих спасительную по Боге истинную веру, но из них три свойства более всех прочих необходимы для показания непогрешительного благоверия. Они суть следующие: Сам ли Бог Творец и Владыка установил ту или другую веру; праведен ли и преподобен и благочестив, и исполнен всякой премудрости и разума — тот, через которого Бог, Творец и Владыка ввел ее в жизнь, третье, согласны ли узаконения известной веры во всем с догматами и заветами бывших от века боговдохновенных пророков и апостолов и вселенских отцев и учителей» [14, с. 38].

Таким образом, афонский инок обозначил отсутствие в исламе трех главных признаков истинности веры: откровение непосредственно от Самого Бога; откровение людям чрез мужа высокого духовно-нравственного состояния; согласие учения с догматами и преданиями святых пророков, апостолов и отцов Святой Церкви. Максим Грек подчеркивает, что исламский «пророк» формально признает Божественное происхождение Святого Евангелия, но в жизни действует иначе, ограничивая сферу применения нравственных норм кругом верных исламу, — «всюду вводит законы противные ему (Евангелию)» [14, с. 47]. Преподобный решительно осуждает идею джихада — священной войны мусульман против неверных

(«гярах»). Книжник обстоятельно описывает радикальную противоположность моральных ориентиров христианства и ислама. Современный исследователь А. В. Сагадеев пишет: «Одна ночь в жизни муджахида, борца за дело ислама, обеспечивает ему на том свете все, что обещано мусульманину за тысячу ночей поста и молитв» [17, с. 35]. Магометанское представление загробного мира вызывает у преподобного Максима отвращение. Чувственное представление рая в виде гарема святой инок называет нечестием [14, с. 54].

Следующий труд данной группы интересен тем, что преподобный предлагает христианам свою методiku полемики с представителями ислама. В слове преподобного Максима «Ответы христиан против арагян, хулящих нашу православную веру» описано, как доказывать магометанам на основании Евангелия, которое «Коран» признает святым, ниспосланным с Неба, что Иисус Христос есть не только пророк, но имеет Божественное достоинство; объяснение догмата о Святой Троице; сказано, что отвечать на возражение мусульман: если бы Иисус Христос был истинный Бог, то иудеи не смогли бы предать Его смерти [14, с. 89–92].

В «Ответах христиан против арагян, хулящих нашу православную веру» святой афонит в изящной форме выражает свое понимание триадологического догмата: «Мы знаем единого Бога, Творца и Создателя всего, имеющего Слово и Дух, равночестных и тождественных по Божеству, собезначальных и соприисносущных, ибо никогда Бог не был без Слова и Духа... Поэтому и говорим: вечен Бог Отец, вечен Сын и Слово Его, и с Ним вечен и Дух Святой, исходящий от Отца. Един Бог в Троице, а не три Бога, да не будет сего! Как ум, слово и дух — все три называются одною душою, а не три души; также — круг солнечный, свет и луч, все три составляют одно солнце, а не три солнца: таково и таинство Святыя Троицы» [14, с. 87].

Причем преподобный отвергает геометрически-аллегорическую аналогию Николая Кузанского, который объяснил триединство через образ вписанного в круг равностороннего треугольника, в котором углы — ипостаси, а окружность — путь Святого Духа, соединяющий их в единое целое. По этому поводу справедливый комментарий дал исследователь М. Н. Громов: «В данной ситуации преподобный Максим Грек выступает в качестве серьезного мыслителя, не соглашающегося с «позитивистской» попыткой говорить о

сложных богословско-философских проблемах языком точной науки» [4, с. 73].

Таким образом, в антимагометанских полемиических трудах преподобный Максим Грек, во-первых, дал первую на Руси богословскую критику ислама; во-вторых, предложил как альтернативу руководство по полемике с мусульманами; в-третьих, объясняя триадологический догмат, выразил свое понимание тайны Святой Троицы.

«Слово против армянского зловерия»

Данный трактат занимает видное место среди догматико-полемиических сочинений преподобного Максима Грека. Этот труд представляет собой резкую критику вероучения армян. Первые слова произведения — обличение в трех страшных ересях: «Армянское зловерие, составившееся из различных ересей, включает в себе три главнейшие и более других нечестивейшие и мерзкие ереси. Первая из них и злейшая всех заключается в том, что они мудрствуют, что во время спасительных страданий Бога-Слова, бесстрастное Божество подверглось смерти, как и человечество; вторая, которая утверждает, что вочеловечившееся Слово Божие, после вознесения на небо, совлеклось принятой Им от пречистых кровей Пречистой Богоматери Божественной плоти; третья же неправильно смешивает не смешно соединившиеся во Христе два естества — человеческое и Божественное, которые будто стали одним естеством.

Таковы главные их богомерзкие ереси, Мы же, православные, что скажем против этого? Согласимся ли с ними, что это так и есть? Никак! Да не будет того, чтобы принять когда-либо такие нечестивые и хульные мысли о едином по существу присносущном, бессмертном и бесстрастном Божиим естестве и Его бессмертии, чего и сами богопротивные бесы не терпят слышать и не могут сказать» [14, с. 93].

Некоторые исследователи негативно относятся к позиции афонита. К примеру, А. И. Иванов пишет: «Обличения Максима Грека против армян построены не на богословских доводах, а на преданиях, искусно подобранных автором» [8, с. 115–116]. Действительно, богословия в «Слове против армянского зловерия» крайне мало. Но для нас немаловажно то, что аргументами преподобного Максима в пользу православной веры являются предания, которые могут быть

связанными с реальными историческими фактами. Заслуживает внимания предание об обращении из монофизитства князя Аламундара Измаильянина.

«А что это еретическое мудрование есть хульное и богомерзкое и лживое, очень премудро показал Аламундар Измаильянин, обратившийся к благочестивой православной вере христианской и крестившийся со всем домом и родом своим. Ибо Севир скверный, услышав об обращении измаильянина от отеческого своего нечестия к православной вере, послал к нему двух единомудренных себе епископов, стараясь обратить его в свою богомерзкую ересь. Когда они пришли и долго говорили ему о Севировом учении, он отпустил их, сказав: «Завтра еще поговорим об этом». Когда же они ушли, он приказал одному из служащих ему верному слуг, сказав: «Когда опять придут ко мне посланные Севиром и начнут говорить мне еретическое свое учение, то ты подойди ко мне, и шепотом скажи на ухо: архангел Михаил уже умер».

Когда те пришли и долго хитрословили пред новопросвещенным Аламундаром, то среди их беседы подошел к нему вышеупомянутый слуга его и прошептал на ухо своему господину, как было ему приказано. Тогда Аламундар тотчас притворно стал печалиться и скорбеть и, опустив голову вниз к персям, сидел молча, не обращая внимания на слова епископов. Когда же те стали усердно допытываться о причине его столь сильной скорби, он ответил им: «Я получил известие, что архангел Михаил умер; то как же не скорбеть мне, когда я лишился такого хранителя?» Те тотчас возопили: «Не верь, достоуважаемый князь, отнюдь не придавай значения такому известию, это явная ложь, ибо ангельское естество смерти не подлежит, будучи создано Создателем всех бессмертным».

Тогда Аламундар сказал им: «Скажите же мне вы, прошу вас, если ангельское естество, которое Создатель всех по благодати своей создал бессмертным, не может умереть, то безначальный и присносущный, един имеющий по естеству бессмертие, во свете живой неприступнем, — как мог умереть бессмертным Божеством Своим во время спасительных Своих страданий? Вы сильно заблуждаетесь и далеко отстоите от истины с учителем вашим». Таким премудрым умыслом новопросвещенный тот измаильянин заградил им уста и посрамил их» [14, с. 94–95]. Вполне возможно, что князь Ала-

мундар, который упоминается в труде преподобного, был представителем династии лахмидов.

На сегодняшний день одной из главных характеристик сознания Армянской церкви¹ является адогматизм. Догматический диалог с армянами сегодня вряд ли возможен по причине отсутствия с их стороны интереса к проблемам догматического характера.

Закономерно приходим к следующим ниже выводам. Во-первых, обличение Максима Грека против «армянского зловерия» представляет собой краткий сборник благочестивых преданий. Во-вторых, в этих преданиях указаны, вероятно, реальные исторические личности. Как, например, ставший православным князь Аламундар. В-третьих, в XVI веке, как и сегодня, полемика православных с армянами с трудом может быть названа богословской. Можно говорить лишь о том, что смещены акценты в этой полемике. Кроме того, преподобный Максим отождествил армян с монофизитами вообще.

Полемика с латинянами и её мотивы

Интересно, что данная группа сочинений имеет преимущественно одного адресата — визави преподобного Максима Грека — Николая Немчина. Исключением является только один полемический труд против латинян — «Слово похвальное апостолам Петру и Павлу; здесь же и обличение против латинских трех больших ересей», которое начинается довольно обширной похвалой святым апостолам Петру и Павлу: «Воспой, душа, божественных апостолов Петра и Павла, верховных над прочими и первопрестольных, прекрасно утвержденные звезды Церкви Христовой, которые животочными сияниями света божественных учений обратили народы от мерзостной прелести идольской и от служения бесам к свету благочестия и истины. Воспой же по мере присущей тебе силы, а пения, достойные их, уступи самим горнейшим умам. Приносимую же им песнь почерпай из спасительных источников божественного Израиля; ибо они суть отрасли этого божественного корня, которые божественными блистаниями жития и слова прекрасно востекли к славе Его,

¹ Евхаристического общения с Армянской церковью Православная церковь не имеет.

и на них, как на конях, вочеловечившийся Бог-Слово мысленно ездил и возмутил многие мерзкие воды, то есть, таинства мерзких бесов, которые прежде покрывали всю землю глубоким мраком богомерзкого идолослужения. И землю, прежде доброплодную, а потом чрез злобу своих жителей, превратившуюся в солончак, Он божественными деяниями сих премудрых делателей, явил опять сладко веселящую своего Владыку своими благовоннейшими плодами, и которая прежде была пуста и не причастна влаги, ту, струями божественных, приснотекущих сих источников, показал преизобилующую и обливающуюся струями живоносных вод. Они суть молнии, которые возблистали от Божественного огня Параклита (Святого Духа), и как стрелы, пущенные Им, сладчайшим светом учения и разжигающим огнем чудес прогнали с земли всякий мрак басней, изобретенных лживыми бесами, трисятельной же единого богочахла честною проповедью облистали мысли верных, и всегда соблюдают их, возделывая мысленными мотыками слова и напоая обильными струями Святого Духа. Они явились таинственными источниками, полными животворных вод, и открывшая основания вселенныя (Пс. 17:16), то есть, показали божественные чиновачальники верных, которые всемошными молитвами и духовными напоениями явились основаниями земли, и соделали ее способною к прозябанию божественных разумений. Это те мысленные небеса, которые, по словам мудрого Песнопевца, поведают славу Божию...» [14, с. 100–101].

Преподобный Максим не только восхваляет первоверховных апостолов, но еще и прославляет главенство апостола Петра. Максим Грек считает, что Господь воздал за ревностную проповедь апостолов Петра и Павла благословил почивать их мощам в Риме [14, с. 111].

Афонский инок настаивает на том, что ни в коем случае нельзя модифицировать² догматы и призывает к аскетическому образу жизни. Что касается рассмотренного выше труда, то следует отметить его поверхностность. Митрополит Макарий (Булгаков) считает «Слово

² Неизменяемость церковных догматов, зиждущихся на базе Священного Писания и Вселенских Соборов, по мнению преподобного, является залогом пребывания на пути истинном. Поэтому критика латинян из уст преподобного основывается на православной традиции понимания догмата.

похвальное апостолам Петру и Павлу; здесь же и обличение против латинских трех больших ересей» «одним из наименее удачных сочинений Максима Грека» [11, с. 29]. Адресат остальных полемиических сочинений афонского инокa против латинства — Николай Немчин. Это реальная историческая личность. Исследователями установлено, что Николай Немчин — это Николай Булев (Бюлов), автор произведения о соединении православных и латинян.

Исследователь А. Зимин свидетельствует о том, что Николай Булев (сер. XV века — 1548 год), уроженец Любека, врач и публицист, который был в России дважды. В первый раз прибыл сюда в 1490 году в составе посольства Георга фон Турна. За значительное вознаграждение он должен был заниматься составлением новой пасхалии. В этот первый приезд деятельность Николая Немчина протекала при Дворе новгородского архиепископа Геннадия. После 1504 года Булев уехал из Новгорода и поступил на службу к папе Юлию II. В 1508 году он уже вновь вернулся на Русь, и состоял придворным врачом при великом князе Василии III. Имя Николая Немчина фигурирует в летописном рассказе о смерти Василия III (1533 год). Основная полемиическая деятельность Николая Булева приходится на второй период его пребывания в Московии [6, с. 81].

Таким образом, мы можем определить хронологию полемики книжника с немецким лекарем Николаем. Она охватывает период с 1508 по 1548 годы. Преподобный Максим Грек возмущался тем, что в Символ Веры Римской Церкви внесено филиокве. Недоволен афонский инок также тем, что у латинян появилось догматическое учение о чистилище. Более того, преподобный утверждает, что это учение искажает православное учение о Страшном Суде, вызывает охлаждение к благочестию и добродетельной жизни по вере. Максим Грек говорит о том, что, если у латинян есть желание быть едиными с православными, то западным христианам необходимо избавиться от обрядовых различий: употребления опресноков при Святой Евхаристии, субботнего поста и целибата духовенства.

При высоком уровне эрудиции и богословского образования преподобного святой монах все же полемизировал не всегда объективно. Священник А. Синайский выразил свою точку зрения по этому поводу: «В полемике против папских заблуждений преподобный Максим не устоял на высоте оригинального и беспристрастного

проповедника (не говорим исследователя), вдавшись в мелочность и даже неверность объяснений особенностей католических обычаев, как например, в вопросе об опресноках, употребление которых преподобный Максим соединяет с еретичеством Аполлинария, отрицавшего в Иисусе Христе соединение души с телом, символом чего представляется будто бы в Евхаристии опресночный хлеб вместо квасного» [18, с. 14].

Можно сделать предположение, что чрезмерная, если можно так выразиться, полемическая ревность преподобного в обличении католиков обусловлена небогословскими мотивами. Дореволюционный исследователь В. С. Иконников указал даже конкретные умолчания Максима Грека: «Вслед за своими предшественниками, он ставит целью устранить всякую возможность подчинения Русской Церкви — папе, посредством представления учения Западной Церкви, как еретического и пагубного... Причем, однако, несмотря на обширность полемических сочинений против латинян, М. Грек, как истинный патриот, нигде даже не намекает на неудачные попытки греков вступить в унию с Римом, на действия их на Флорентийском Соборе, на подвиг Марка Ефесского и печальную участь, постигшую дело митрополита Исидора...» [9, с. 246]. Наличие в литературном наследии антикатолических полемических произведений, в которых преподобный Максим истово защищает православное вероучение, еще не зачеркивает влияния, которое оказала на него латинская традиция. Максим хвалит западное монашество, восхищаясь его строгостью.

Юность Михаила Триволиса прошла среди униатов острова Корфу. Дорогой его сердцу дядя Димитрий Триволис и наставник Иоанн Ласкарис симпатизировали латинянам. Он утверждает, что в Католической Церкви безусловно действует благодать Святого Духа. Римская Церковь постоянно звала Максима Грека под свой материнский кров. «Западная ментальность Максима Грека не исчезла даже после многолетнего его пребывания на Руси. Его антилатинские полемические произведения направлены скорее против представителей языческого Возрождения, как Николай Немчин. Он выступает не с критикой тонизма, а против схоластического номинализма XV—XVI веков, знаменовавшего вырождение умозрительной теологической мысли» [22, с. 257].

Дважды в своих трудах Максим Грек даже признает полезность инквизиции. Афонский инок обвиняет Римскую Церковь в трех ересях в то время, когда на Руси латинян обвиняли в большем количестве заблуждений. Обвинение католиков в ересях позволяло возвысить авторитет Элладской Церкви в глазах русского народа, но все-таки афонский инок менее предвзят к латинству, чем остальные богословы на Руси в XVI веке.

Таким образом, в наследии преподобного мы имеем довольно обширный круг трудов антилатинской направленности:

- «Слово похвальное апостолам Петру и Павлу; здесь же и обличение против латинских трех больших ересей»;
- «Против лживого сочинения Николая Немчина о соединении православных и латинян»;
- «Против латинян, о том, что не следует ничего ни прибавлять, ни убавлять в Божественном исповедании непорочной христианской веры»;
- «Продолжение того же слова (часть 2-я)»;
- «Против Николая латинянина — слово об исхождении Святого Духа»;
- «Послание ко многоучительному Николаю Немчину»;
- «Ответ Николаю латинянину».

Адресатом большинства антилатинских сочинений Максима Грека был немецкий врач Николай Булев. Афонский монах, вероятнее всего, негативно относился к католицизму, который исповедовал Николай Немчин, а не к Римской Церкви вообще, так много давшей иноку в юности. Что касается богословия антилатинских трудов, то тут следует отметить, что оно необходимо было Максиму для того, чтобы возвысить авторитет Греческой Церкви в глазах народа Московского Царства. Для нас важно, что полемиические труды, которые направлены против латинян, являются историческим источником, из которого мы черпаем сведения о жизни и деятельности главного оппонента преподобного Максима — «многоучительного Николая Немчина». Последний имел огромное влияние в русском обществе XVI века.

Иными словами, полемика против латинян носила более социально-политический, чем богословский характер. Этими же мотивами была обусловлена в определенной мере и «внутренняя по-

лемика» Максима Грека с москвитями. Конечно же, уровень и глубина знаний, широта кругозора, систематичность мышления высоко поднимали Максима Грека в глазах окружающих. Уже при жизни он, находящийся в заключении, почитался многими как непререкаемый авторитет в решении многих богословских вопросов. Многие идеи Максима оказались близки русским мыслителям, а учение Максима Грека оказало большое влияние на развитие религиозно-философской мысли России. О нем писал Андрей Курбский, Артемий Троицкий, к нему за советом приезжал Иван Грозный.

Однако Максим оставался греком, сторонником единой Церкви и потому нередко он выступал не в интересах русского государства. Так, он критически относился к независимости (автокефальности) Русской Церкви и не мог признать того факта, что русские митрополиты перестали спрашивать санкцию на свое постановление у Константинопольского Патриарха. Не признал Максим и того, что в середине XVI века Россию стали именовать «Третьим Римом». Для Максима Константинополь, несмотря на разорение турками, оставался единственной столицей истинного Православия.

Настоящий греческий патриот Максим (Триволис) озвучивал свою мечту об объединении всех христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола. Ученый афонит был пропагандистом и защитником «греческой идеи» перед великим князем Василием III Ивановичем. Максим Грек высказывался о необходимости возвращения Русской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата.

И даже прославляя «всеименитую Москву», он не может признать за ней особой святости, тем более именованья ее «Новым Иерусалимом», ибо святой Иерусалим — это один город на земле. При этом он отрицает чрезмерное восхваление, приводящее к утере блага: «...Яко же паче достоинства почитати некоего или человека или град или страну, досаду паче, а не славу ни похвалу прилагает». Более того, он всячески пытался побудить русского великого князя к тому, чтобы вернуть Византии былое могущество, убеждая его освободить земли «новаго Рима, тязце волнуема от безбожных агарян».

**Полемиические сочинения преподобного Максима,
посвященные вопросам этики и антропологии**

Чистота сердца и ума позволяют человеку познать евангельскую любовь, которая «превыше всего». Идея любви занимает важнейшее место в миропонимании Максима Грека. Он неоднократно говорит о том, что самое главное для человека — это иметь «дарованный Богом дар совершенной любви к Всевышнему и к ближним своим, с которой соединена Богом украшенная и Богом созданная милость ко всем нуждающимся в милости и помощи». В одном из посланий он писал: «И я ведь всеми силами и всей душой... любви возжелал...»

Как видно, в своих главных религиозно-философских установках Максим Грек был близок к «нестяжателям». Близким оказалось их понимание и самого «нестяжания» — Максим неоднократно писал о том, что монастыри не должны владеть собственностью, ибо обладание богатством мешает инокам избегать мирской суеты и тем самым исполнять свой иноческий подвиг. Иначе говоря, в трактовке Максима Грека «нестяжание» — это обязательное условие истинного служения Господу. Несколько раз в своих произведениях он повторяет слова апостола Павла о том, что «корень всех злых сребролюбие...». Поэтому он призывает всех «жить нестяжанием». Ведь душа, порабощенная «стяжанием», «загорается яростью». И наоборот, душа укрощается «нищетою последней» и «нестяжательским житием».

Нравоучительные сочинения Максима Грека имеют особенно важный исторический интерес. В них как в историческом источнике отражены отрицательные явления тогдашней жизни общества России: всяческие суеверия, вера в астрологию, лихоимство властей, половая распущенность³, ростовщичество. Все эти пороки афонский монах предавал решительной критике. Автор сочинения «Нравственное состояние русского общества в XVI веке по сочинениям Максима Грека и современным ему памятникам», опубликованного в журнале «Исторический вестник» (1881), Иван Преображенский писал: «Многие мысли Максима легли в основание постановлений

³ Подробнее см.: 13, с. 158–165.

Стоглавого собора 1551 года: таковы главы об исправлении книг, о презрении бедных, об общественных пороках, о любостыжании духовенства; лишь в вопросе о монастырских вотчинах собор принял сторону иосифлян. Несмотря на то, что Максим усвоил лишь одну сторону гуманистического образования — приемы филологической критики — и остался чужд содержанию гуманизма, он явился в истории древнерусского образования первым посредствующим звеном, которое соединило старую русскую письменность с западной научной школой» [16, с. 671–672].

Обличения преподобного Максима построены на базе христианской морали. Афонский инок обращает внимание на распущенность и бесчестие, эротические сцены в греческой мифологии, а также на другие моменты, рисующие языческих богов нарушителями нравственного закона. Преподобный подчеркивает, что нравственность христианства неизмеримо выше языческой псевдоморали. В «Слове обличительном против еллинского заблуждения» подвижник благочестия доказывает превосходство истинной веры Христовой пред языческим «злым мудрствованием» [14, с. 27–38].

Исповедник просвещенности и нравственности подчеркивает, что христианство распространилось чудесным образом по Промыслу Божию. Успех Евангелия был достигнут краткими словами и поучениями, стойкими перенесениями жестоких гонений. В богооткровенных книгах Нового Завета содержится самое возвышенное и спасительное учение о Боге, Едином в Трех Ипостасях, о Богочеловеке Христе Спасителе, победившем смерть, о таинственной жизни будущего века.

Обличение язычества и восхваление благочестивой христианской веры и жизни согласно последней — косвенное указание преподобного на пережитки язычества в современном ему русском социуме.

Огромное значение имеет борьба Максима Грека с разными суевериями. Яркими примерами обличения существующих в XVI веке на Руси околочерковных суеверий являются слова преподобного: «О том, что не следует верить тем, кои говорят, что тот не был за божественной литургией, кто не поспел к чтению Святаго Евангелия» [15, с. 64–68], «Против утверждающих, что во всю Светлую седмицу солнце стояло и не заходило, и что поэтому вся Светлая седмица называется одним днем» [15, с. 107–111], «Против безумной и бого-

мерзкой прелести тех, которые утверждают, что по причине погребения утопленника или убитого бывают вредные для роста земных произведений холода» [15, с. 111–116].

Заслуживают внимания статьи афонского монаха, направленные против астрологии и апокрифических сочинений, которые пользовались огромной популярностью в тот исторический период на Руси.

Соблюдение истинности православного вероучения — это вообще одна из главных тем Максима Грека. Именно поэтому много места в его творчестве занимают труды, направленные против латинян, схоластической философии, астрологии и т.д. Одна из работ

— «О фортуне» — посвящена критике псевдогуманистического понимания понятия «судьба». Сторонник полной предопределенности бытия, изначально устроенного Божиим Промыслом, он резко выступает против возможностей «угадать» судьбу, и уж тем более — против попыток изменять ее по собственной воле.

В этом отношении Максим Грек проявляет себя истинным последователем византийской ортодоксии. «В своей полемике против астрологии и апокрифических сказаний Максим Грек приводит самые разнообразные доводы: изречения Священного Писания, высказывания отцов Церкви и древних философов, исторические примеры, случаи из обыденной жизни и выявленные им противоречия во внутреннем содержании астрологических и апокрифических книг» [8, с. 130]. Во многом аргументация преподобного не утратила своей актуальности и убедительности по сей день.

По мнению Максима Грека, астрология лишает человека свободы выбора, которая дарована Богом. Астрологическое лжеучение детерминирует жизнь человека. Оно вводит понятие судьбы, которая непременно находится в зависимости от расположения планет и звезд. Это опасно для духовного состояния человека, поскольку надежда на Бога в таком случае остается в забвении. Преподобный согласен с единодушным мнением святых отцов Церкви, которые

⁴ Теперь давайте посмотрим на отношение Ветхозаветной и Новозаветной Церкви к астрологии. В великих кодексах Моисея мы читаем о запрещении заниматься всякими видами волшебства под страхом смерти. «...Не ворожите, не гадайте. Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не

считали астрологию разновидностью магии⁴. В своем слове «Против тех, которые усиливаются посредством рассматривания звезд предсказывать будущее, и о свободной воле человека» преуспевший в благочестии афонский монах прямо обличает увлечение астрологией православными христианами: «Что гадание по звездам есть обман и гибельная пропасть — это ясно доказал божественный пророк Исаия, пророчествуя против Вавилона и говоря: мудрость твоя и художество твое обмануло тебя. И опять: да станут ныне астрологи твои и спасут ты звездочетцы небесе, смотрящие звезд, да возвестят ти, что имать на тя приити. Се еси яко хврастии огнем погорят, и не изимут души своя из пламене (Ис. 47:12–14). Услышим

доводите себя до осквернения от них. Я Господь ваш. И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее» (Левит. 19:31; 20:6). Во Второзаконии мы также читаем о строгом предупреждении Господа не заниматься никакими видами волшебства и не общаться с теми, кто этим занимается, ибо именно за это увлечение волшебством (которое есть по сути союз с демонами) Бог и изгоняет народы с их земли, обрекает их на гибель, землю же ту отдает Израилю, который был верен Ему. «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь, Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии. Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего. Будь непорочен пред Господом, Богом твоим. Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей; а тебе не то дал Господь Бог твой. Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет Господь Бог твой, — Его слушайте...» (Втор. 18:9–15). Пророк Исаия, предрекая гибель Вавилона за его нечестие и пагубное занятие магией и астрологией, от имени Господа с иронией говорит: «Оставайся же с твоими волшебствами и со множеством чародейств твоих, которыми ты занималась от юности твоей; может быть, пособишь себе, может быть, устоишь. Ты утомлена множеством советов твоих; пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе. Вот они, как солома; огонь сжег их; не избавили души своей от пламени...» (Ис. 47:12–14). Здесь мы имеем прямое указание на бессилие всех видов волшебства перед волей и силой Божией и на неминуемую кару, постигающую тех, кто занимается магией и астрологией или прибегает к помощи оккультистов. При столкновении магов и волхвов с пророками и другими духоносными мужами сыны тьмы неизменно терпят поражение. Так, в книге Исход (7–9) мы читаем о том, как волхвы и чародеи противясь Моисею, творили чудеса многие перед фараоном при помощи колдовских чар, но не смогли противостоять силе Божией и в конце концов вынуждены были признать свое поражение от пророка Моисея. В книге Бытия (41) повествуется о торжестве

внимательно и убоимся Бога живого — мы, христиане, которые в скорбных обстоятельствах, оставляя упование на Бога, прибегаем с верою к астрологам, ища от них помощи и надеясь получить ее. Пророк говорит, что они, как хворост, огнем погорят. Вот какие хорошие воздаяния приготовлены от Бога внимающим гаданию по звездам! К этому следует еще прибавить известное апостольское изречение, что достоин делатель мзды своя (1 Тим. 5:18). Но мы, которые желаем избавиться огня вечного и быть со Христом, будем держаться Его святых писаний, слушаясь блаженного Иеремии, который от лица Божия говорит так: по путем языков не учитесь, и от знамений небесных не страшитесь, яко их боятся языцы. Понеже законы языков суетни суть (Иер. 10:2–3). И действительно, они сует-

праведного Иосифа над волхвами и мудрецами египетскими, не возможшими при всем своем магическом искусстве верно истолковать сон фараону. Пророк Даниил также многократно посрамляет халдейских мудрецов и магов (Дан. 2–4:5). Все это объясняется тем, что свои чудеса и пророчества сыны света совершают всегда силой Божией, Духом Святым; противящиеся же им волхвы, маги, астрологи, используя искусство волшебства, действуют силой демонической и естественно терпят поражение, противодействуя Богу.

В Новом Завете мы видим такое же непримиримое отношение ко всем видам чародейства, как и в Ветхом и такую же постоянную победу сил Божиих при столкновении с чародейством. Так, апостол Павел изгоняет духа прорицательного из служанки, предрекавшей будущее (Деян. 16:18), хотя казалось бы она возвещала правду, следуя за апостолами и говоря, что те «рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Но апостол не желал и истины из нечистых уст бесовских, давая тем самым пример отношения к демонам, даже пусть иногда вещающим правду. Ибо за этим стоит только одно желание вовлечь в общение с целью завоевать доверие, чтобы потом погубить. Тот же апостол Павел наказывает слепотой Елиму — волхва, противящегося евангельской проповеди и старающегося отвратить людей от истинной веры (Деян. 13:8–11). И наконец, из книги Деяний Апостольских мы узнаем о том, что под действием апостольской проповеди «...из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли пред всеми» (Деян. 19:19). Таким образом они отреклись от связи с демонами и засвидетельствовали несовместимость веры во Христа и чернокнижие.

В Номоканоне (своде церковных правил и постановлений) сказано предельно ясно: «Которые ходят к волхвам или волхвуют или звездословят (т.е. занимаются астрологией — прим. авт.), шесть лет да не причастятся по 1-му правилу Трульского собора и по 80-му правилу Василия Великого, священник же, творящий это — да извержится». (Требник, 1904, с. 195). Здесь мы видим явное указание церковного сознания на демоническое происхождение всех видов волшебства, включая астрологию, на недопустимость общения с ними верующих христиан и на строгое наказание тех, кто по каким-либо причинам решится на связь с демонами.

ны, бездоказательны, лживы и полны всякого обмана, ибо не Богом они установлены, а душепагубными демонами. И не пророки Бога живого Духом Святым изрекли их и засвидетельствовали их благочестность и спасительность, но служители лукавого (Пифийского) духа, — люди, проводившие жизнь нечистую и преданные всяким порокам: халдеи, вавилоняне, египтяне, аравитяне и финикияне, которые изначала прославились нечестием, а также и из еллинов — те, которые были последователями прелести Епикура и Диагора, названного безбожным за свое нечестие» [14, с. 250–251].

Немного отступая от темы, отметим, что в этом аспекте с преподобным Максимом солидарны многие святые отцы. Индивидуумы, народы и цивилизации появляются на свет, растут и терпят крах якобы в зависимости от движений и взаимного расположения светил. В этой фаталистической, безличной системе сил и влияний нет места для принципа свободы воли. Свобода человека, по мнению астрологов, — лишь иллюзия. Многие «звездочеты» видят и понимают эту проблему и пытаются справиться с ней, заявляя, что человек, узнавший свою «космическую судьбу» с помощью астрологических наблюдений, может использовать полученные знания и изменить свое будущее. Астрологи хватаются за этот аргумент, пытаясь сохранить в себе чувство «властелина своей судьбы», но, строго говоря, такая точка зрения вступает в противоречие с основными положениями астрологии. С другой стороны, астрологи часто используют принцип космической предопределенности, чтобы снять с себя от-

А вот что пишет блаженный Августин, епископ Иппонский: «Царства человеческие устраиваются вообще божественным провидением. Если же кто-либо приписывает это судьбе на том основании, что именем судьбы называет самую волю или силу божественную, такой пусть мысль удержит, но выражение ее исправит. Ибо зачем ему не сказать сразу же того, что он скажет после, когда его спросит кто-нибудь, что он разумеет под судьбою? Ведь когда люди слышат это слово, они, согласно обычному употреблению его, разумеют под ним не иное что, как влияние известного положения звезд в тот момент, когда кто-либо рождается или зачинается. Это влияние некоторые представляют независимым от воли Божией, а некоторые утверждают, что оно именно на ней и основывается. Те, которые полагают, что звезды помимо воли Божией определяют, что мы будем делать, какие будем иметь блага или какие потерпим бедствия, должны быть предметом отвращения для всех, не только для исповедающих истинную религию, но и для тех, которые жаждут быть поклонниками каких бы то ни было, хотя бы и ложных, богов. Ибо подобное мнение к какому иному приводит следствию, как не к тому,

ветственность за свое, часто аморальное, поведение⁵.

На фатализм астрологии, косвенное оправдание ею зла и богословские следствия этих положений указывали святые отцы Церкви. По мнению Василия Великого, «если начала поступков порочных и добродетельных не от нас зависят, но необходимы вследствие рождения; то напрасно есть законодатели, определяющие, что нам делать и чего убегать, напрасно есть и судьи, награждающие добродетель и наказывающие порок. Ни вор, ни убийца не виновен в преступлении; ему, если бы и хотел, невозможно было удержать руки, потому что к сим поступкам неизбежно побуждала его необходимость. А всех более обманываются трудящиеся над искусствами. Напротив того, земледелец соберет обильные плоды и семян не бросая в землю, и не точа косы; а купец обогатится, хочет ли того или нет, потому что судьба соберет ему кучи денег. Великие же надежды христиан обратятся у нас в ничто, потому что ни праведность не будет почтена, ни грех осужден, так как люди ничего не делают по собственному произволу. Ибо где господствуют необходимость и судьба, там не имеет никакого места воздаяние по достоинству, что и составляет

что не нужно почитать или молить решительно никакого Бога? <...> Те же другие, которые ставят в зависимость от воли Божией положение звезд, определяющих известным образом, каким кто будет и что с ним случится доброго или дурного, те, если думают, что высшей божественной властью предоставлена звездам такая власть <...> наносят великое оскорбление небу: ибо по их представлениям выходит, что в своего рода светлейшем сенате небесном и блистательнейшей небесной курии определяется, что должны быть совершаемы злодеяния. <...> Затем, какое место оставляется суду Божию о делах человеческих, которым придается небесная необходимость, когда Господь есть Господь и звезд и людей? Если же скажут, что звезды, хотя и получают власть от верховного Бога, определяют упомянутое не по своему произволу, а при известном сочетании неизбежных условий выполняют только Его повеления: в таком случае не приходится ли о самом Боге думать то, что оказалось в высшей степени недостойным приписывать воле звезд? Скажут, что звезды скорее обозначают упомянутое, чем производят его, так что известное положение их есть как бы своего рода известная фраза, предсказывающая будущее, но не решающая его. Действительно, такого мнения держались некоторые довольно ученые люди. <...> Но в таком случае как это выходит, что они никогда не могли объяснить, откуда в большинстве случаев такая разность между близнецами в жизни, в деятельности, в приключениях, в занятиях, в искусствах, в общественном положении, и в других условиях жизни человеческой; так что многие люди посторонние в этом отношении бывают на них более похожи, чем сами близнецы друг на друга, хотя они в рождении бывают отделены самым незначительным промежуток времени, а зачинаются в одно совокупление, в один даже момент? [1, с. 234–235, 236].

преимущество правосудия» [21, с. 107–110].

Преподобный Максим Грек обращается к Богу: «Как я, созданный по Твоему божественному образу и подобию, то есть удостоенный дара свободы воли, получивший силу и действие блага и праведности — неужто я действием какой-то недоброй звезды могу быть влеком к совершению зла, как бессловесный скот, которого хозяин тащит на привязи? Нет, я никогда не соглашусь с этим богомерзким учением безумных звездочетцев, лишаящим меня свободы воли!» [Цит. по: 8, с. 123–124].

При этом крайне важно отметить, что в глазах Максима Грека точное знание и естественные науки имели огромное значение. Он никогда не смешивал астрономию с астрологией. То, чем занимается астрономия, не вызывало критики у преподобного. Это вполне четко прослеживается в обличительных сочинениях афонского инок. В своем произведении «Слово обличительное, отчасти против латинского зловерия; здесь же и против «Альманаха», который возвелеречил, что будет всемирный потоп более губительный, чем упоминаемый когда-либо» Максим Грек пишет: «Я не просто укоряю знание небесных тел, которое нужно и пригодно для настоящей жизни, как то знание круговращения, восхода и исчезновения и течения прочих звезд, по которым безошибочно исчисляются времена этого века и правильно содержится, так называемая, пасхалия; не это знание я укоряю, но чрезмерное увлечение этою наукою и излишнее испытание того, что ведомо единому Богу; также злохитрое отвлечение верующих от Бога посредством увещания их внимать положениям звезд, причем одни из них признаются благотворными, а другие — злотворными, и отсюда заключают не только о днях и часах, но и о людях пустословят, признавая одних добрыми, а других — злыми. Это я осуждаю, признаю и называю нечестием, последняя в сем случае всем от века во благочестии воссиявшим блаженным мужам. И вы все, проповедники, последователи и теплейшие защитники всего этого, служите ближайшим доказательством того, что я не лгу, чему вы и окружающие вас служите неопровержимыми свидетелями. Непреложное обетование и завет Создателя, которые Он дал праведному Ною, вы признали как бы ложными, а поверили гаданию злочестивого «Альманаха», и не стыдясь проповедуете, что скоро по всей вселенной будет потоп более грозный, чем все прежде

бывшие от века. А как это предсказание оказалось ложным и вы по-срамились, то утверждаете теперь, что гадание предсказало не потоп водный, но изменение и переименование всего существующего на земле. Однако «Альманах» ясно утверждает, что это должно совершиться посредством воды, и что прочие звезды должны собраться к Водолею и произвести такое превращение во вселенной; Водолея же вы признаете предвестником и виновником вод и дождей. Но пора уже и к вам отнести слово блаженного Павла, которое он пишет к галатам (Гал. 3:1): о, бессмысленные латиняне! Кто прельстил вас не покоряться истине? Течасте добре, что заставило вас отступить от истины и наблюдать за днями, месяцами, временами и годами? Но я вижу, что с вами случилось то, от чего апостол предостерегал колоссаев, и вы обмануты внешнею философиею и тщетною лестью, по преданию человеческого, по стихиям мира сего, а не по Христе (Кол. 2:8). И не удивительно» [14, с. 278–279].

Преподобный Максим Грек не лишил внимания и апокрифические писания, которые волновали умы в обществе Московского государства XVI века. К примеру, популярный в то время апокриф «Сказание Афродитиана» вызывал огромный интерес у некоторых православных на Руси. Это богохульное писание насквозь пропитано синкретической примесью язычества. Афродитиан утверждал, что Христос родился при царях Кире и Дарии, и что зачала Его в персидском языческом храме некая Ира.

Афонский инок пролил свет на это страшное заблуждение. Именно благодаря решительной критике в слове святого монаха Максима «Обличение и опровержение лживаго писания зломудраго Афродитиана персянина» [15, с. 82–98] апокриф был внесен в индекс запрещенных книг Русской Православной Церкви. А. И. Иванов подчеркивает, что путем обличения заблуждений и суеверий преподобный расширил мировоззрение многих представителей современного иноку общества: «Полемиическая борьба Максима Грека против астрологических лжеучений, апокрифических сказаний и разных суеверий способствовала освобождению русских умов от ложных, часто совершенно нелепых взглядов и предрассудков и расчищала путь к более разумному, естественно-научному восприятию отдельных явлений и свойств природы и к более критическому отношению к материалам и сведениям апокрифических источников» [8, с. 186].

К XVI веку Русь имела достояние богатых книжных собраний по различным вопросам в области духовного и светского знания. Научно-богословская деятельность Максима Грека протекала на хорошо подготовленной почве. Уникальность Максима Грека в том, что он, возможно, был первым ученым-энциклопедистом на Руси.

В литературном наследии преподобного Максима Грека вызывают интерес его толкования на слова святителя Григория Богослова. Известный исследователь Д. М. Буланин рассмотрел сочинения афонского инокa под заглавиями: «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» и «Послание об античных мифах». После проведения тщательного текстологического анализа ученым было установлено, что эти труды — мифологический комментарий к гомилии святителя Григория Богослова «На святые светы явлений Господних» [2, с. 284]. Эти толкования довольно долго были уникальным пособием для знакомства русских книжников с античной мифологией.

Удивительно, что произведения, которые носят чисто богословские заглавия, содержат энциклопедические данные: о мифологических персонажах, о событиях, происшедших в древней истории — войнах Рима с Карфагеном, Троянской войне и т.п. В частности, преподобный Максим Грек упоминает о таких чудесах света как колосс Родосский и египетские пирамиды. Ученый монах дал также сведения о великих географических открытиях своего времени.

Заметный след оставлен преподобным Максимом в области аскетики. Черты истинного монашества, по его мнению, — прямота и строгость, бескомпромиссность подвига. Его обличение монашества совпало с недостатками, рассмотренными позже Стоглавым Собором 1551 года. По этому поводу профессор Н. Каптерев заметил: «Преподобный Максим писал о русском современном ему монашестве не от раздражения, а то, что было в действительности, то есть, одну правду» [10, с. 162].

Значение преподобного Максима

Исполнение заповедей Господних — ключевой принцип сотериологии афонского инокa. Максим Грек был единокорен с Нилом Сорским. Он считал, что отрекаясь от мирского, инок должен от-

казываться и от всякой собственности, пребывать в совершенной бедности. Но одни лишь иноческие обеты, черные ризы, посты и молитвы, без деятельного исполнения заповедей Божиих, без стяжания духа любви, указывал Максим Грек, не могут спасти монаха. В слове «К намеревающимся оставить своих жен без законной причины и поступить в иночество» афонский инок решительно порицал тех мирян, которые, побуждаемые ложно понимаемыми заботами о спасении души, стремились развестись с женами, чтобы удалиться в монастырь [13, с. 147–153]. Каждый человек, по словам преподобного, спасается благоугождая Богу исполнением заповедей Спасителя.

Как уже упоминалось выше, преподобный обличал пороки и предрассудки, существовавшие в современном ему русском обществе. Он выступал с обличениями различных нестроений в русской церковной бытовой и общественной жизни: любостяжательства монахов, суеверия и невежества народа, притеснения и жестокости власть имущих. Обличительные статьи и экклезиологические идеи афонского инока вызывали неприязнь к нему консервативной среды Московского государства.

Заслуживает внимания переводческая деятельность и правка текстов, в которых было большое количество грубых ошибок и искажений христианских догматов. В исправлении священных и богослужебных книг преп. Максим использовал элементы научной критики. И тут возник конфликт с ревнителями буквы, которые считали недопустимым что-либо изменять в богослужебных текстах, текстах Священного Писания и житийной литературе.

Важной причиной конфликта с русским обществом стала философская сторона деятельности просвещенного монаха. В XVI веке на Руси с недоверием относились к платонизму. Тенденции к последнему во взглядах Максима Грека стали поводом к осуждению его взглядов в области богословия.

Последней каплей в чаше конфликта с русским обществом стало обличение иноком Максимом Святогорцем великого князя Василия III за незаконный развод с женой. Афонского монаха несправедливо обвинили в ереси, в хуле на великого князя, в сношениях с турецким правительством и в непочтительных отзывах о московских митрополитах-чудотворцах, преподобный Максим в 1525 году

предстал перед судом митрополита Московского Даниила и был наказан шестилетним заточением в Иосифо-Волоколамском монастыре без права причастия. В 1531 году монаха осудили повторно за порчу книг.

Однако труды отца Максима сохранились и дошли до наших дней. В его литературном наследии можно выделить целый комплекс оправдательных сочинений. В него входят 12 глав каждого из собранных сочинений (от «Исповедания Православной веры» до «Слов отвещательных об исправлении книг русских»). Дело афонского инока было продолжено исправителями книг XVII века, можно утверждать, что исправление книг стало одним из главных направлений деятельности Патриарха Никона. А в XVIII веке этой проблемой занимался Паисий Величковский [3, с. 301–313].

Надо полагать, оправдательный комплекс преподобный Максим (Триволис) не считал завершенным. Как утверждает Н. В. Сеницына, «еще не было пространных аргументированных ответов на многие пункты обвинений. Он наблюдал и такие явления, которые не были связаны с судами и обвинениями, но тоже, как ему казалось, требовали его вмешательства. Наконец, многие просто обращались к нему за разъяснениями по разным вопросам» [20, с. 201]. Все это было отражено Максимом Греком в собраниях его сочинений.

Трагедия преп. Максима — конфликт ментальностей — своего рода плачевный стык культурных традиций в России XVI века. Исследователь Илья Денисов так писал об этом: «Он не смог пробить плотину предрассудков, не смог одолеть интеллектуальную дремоту, с которой ему пришлось столкнуться; но благодаря его длительному влиянию, по крайней мере, была подготовлена почва для будущего» [5, с. 386].

Таким образом, в литературных трудах преподобного отражены исторические реалии Московского царства XVI века. Это и нравственное состояние тогдашнего общества на Руси, и политическая ситуация в государстве, и судебные процессы над самим преподобным и т.п.

Публицистический характер деятельности афонского инока и колоссальное влияние его взглядов на общественную жизнь Московского государства обусловили трагическую участь ученого инока. Исследователь М. Н. Громов писал о преподобном Максиме: «Его

состояние напоминает состояние Достоевского, оказавшегося на картине, в «пограничной ситуации» и, по признанию писателя, именно там обдумавшего свои наиболее сокровенные мысли» [4, с. 39].

Н. В. Сеницына, подчеркивая историческую роль личности и трудов преподобного, пишет: «Уникальность Михаила Триволиса — Максима Грека в истории европейской и русской культуры конца XV — первой половины XVI века заключалась в том, что он владел языками всех трех составных частей тогдашнего христианского мира — языком греческого Православия и античной культуры, языком латинского мира, церковно-славянским языком (в его русском изводе). Речь идет не просто о языке как средстве повседневного общения, но о языках культур и проблемах переводимости, которые он решал блестяще в условиях своего времени. При всей важности конфессиональных различий он отдавал должное достижениям каждой из культур, ее «благим начинаниям» [20, с. 210].

Многие сочинения преподобного Максима сохраняют свою актуальность и сегодня. Итак, в чем же заключается значение личности и трудов преподобного для истории и богословия?

Преподобный Максим Грек навсегда вошел в историю как обличитель неправды, невинный страдалец, исповедник учености, блюститель духовно-нравственной чистоты, пример благочестивой жизни. Он посвятил всего себя делу возрождения на Руси святоотеческой традиции, в которой заключены духовные ценности христианства. Он был непримиримым критиком жадности, алчности, неумеренного стремления к возрастанию богатства. Он боролся за то, чтобы общество было нравственно чистым.

Его труды давали ответы вопрошающим и ищущим истину. А богословие преподобного Максима полностью отражает его святую и ревностную жизнь. Святой афонский инок Максим (Триволис) искренне жил тем, что проповедовал. Он истово трудился и в переводческой, и в литературно-публицистической, и в богословской сферах. Богословие Максима Грека — это стержень его жизненной позиции. Догматико-полемиические сочинения афонита отражают его ревность в деле защиты Православия. Они являются историческим источником, свидетельствующим о тех опасностях, которые существовали в духовной жизни православных русских людей в первой половине XVI века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Августин, блаженный.* О граде Божиим. Т. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
2. *Буланин Д. М.* Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., Наука, Ленинградское отделение, 1977. Т. 32.
3. *Верецагин Е. М.* Максим Грек и Паисий Величковский о неисправности славяно-русских церковных книг. В кн.: Россия — Афон: 1000-летие духовного единства // Материалы международной научно-богословской конференции. Москва. 1–4 октября 2006 года. М., 2008.
4. *Громов М. Н.* Максим Грек. М., Мысль, 1983.
5. *Денисов И.* Максим Грек и Запад. Вклад Михаила Триволиса в историю религиозно-философской мысли. Париж, 1943.
6. *Зимин А. А.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Кузьмина В. Д. (отв. ред.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
7. *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., Наука. Ленинградское отделение, 1969.
8. *Иванов А. И.* Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности // Богословские труды, сб. 16. М., 1976.
9. *Иконников В. С.* Собрание исторических трудов. Т.1. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Киев, тип. Императорского Университета св. Владимира, 1915.
10. *Каптерев В. Н.* В чем состояло истинное монашество по воззрениям преп. Максима Грека // Богословский Вестник. М., 1903, январь.
11. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский.* Догматико-полемические сочинения Максима Грека / В кн.: «Историческая хрестоматия. Пособие при изучении русской словесности». Вып. 3. Изд. 3-е. М., 1915.

12. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч.1. М., Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

13. *Максим Грек*. Творения. В 3-х томах. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996 (репринт).

14. *Максим Грек*. Творения. В 3-х томах. Т.2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996 (репринт).

15. *Максим Грек*. Творения. В 3-х томах. Т.3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996 (репринт).

16. *Преображенский, И. В.* Нравственное состояние русского общества в XVI веке, по сочинениям Максима Грека и современным ему памятникам / Соч. Ивана Преображенского. М., тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1881 // Исторический вестник: историко-литературный журнал, № 7. СПб., 1880 — 1917.

17. *Сагадаев А. В.* Этика ислама // Наука и религия, № 10. М., 1985.

18. *Синайский А. Л.*, свящ. Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления, заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518–1556 гг.). СПб., тип. Гл. упр. уделов, 1898.

19. *Синайский А. Л.*, свящ. Краткий очерк церковно-общественной деятельности преподобного Максима Грека по части обличения и исправления, заблуждений, недостатков и пороков русского общества XVI ст. (1518–1556 гг.). СПб., тип. Гл. упр. уделов, изд. 2-е, 1902.

20. *Синицына Н. В.* Максим Грек // Серия «Жизнь замечательных людей». М., Молодая гвардия, 2008.

21. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Беседы на Шестоднев. Часть первая. М., 1845.

22. *Тереженко Г.* О трудах Максима Грека, Журнал Министерства народного просвещения, №. 9, 1834.